

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП АМЕРИКАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ

Американский философ Дж. Фейблман в работе «Теория культуры человечества» сформулировал концепцию «идеальных» культурных типов. Разработанная ученым типология стадий культурного развития может быть применена для изучения культурного своеобразия американской цивилизации, которая возникла на этапе перехода от «религиозного» к «цивилизированному» типу культуры. Ее уникальность может быть объяснена сочетанием черт, присущих обоим типам, и позволяет интерпретировать существенные черты американского стиля жизни, его ценности и черты национального характера американцев.

Ключевые слова: культура США, цивилизация, протестантизм, религиозный, цивилизованный.

Культурологи и философы давно и настойчиво пытаются выстроить некую универсальную модель типологии культурного развития, предложить собственный алгоритм, который смог бы объяснить особенности той или иной культуры. Пожалуй, наиболее стройную типологию культурного развития предложил американский ученый Дж. Фейблман. Он выделил семь типов культуры: четыре «ранних», вычленив допервобытный («infra-primitive»), первобытный («primitive»), военный («martial»), религиозный («religious») и три «развитых»: цивилизованный («civilized»), научный («scientific») и постнаучный («ultra-scientific») [1. С. 125–151].

Любая локальная цивилизация формирует собственный тип культуры. Очевидно, что им обладает и американская цивилизация. Генезис цивилизации в США восходит к периоду XVII–XVIII вв. Общеизвестен переломный характер этой эпохи в истории человечества. Исключительно ее значение и для Америки как исходной точки в формировании особенностей ее культуры. Руководствуясь схемой, предложенной Фейблманом, ее можно соотнести с переходом от «ранних» типов культуры к «развитым». Таким образом, культурогенез молодой нации начался на стыке двух культурных типов – религиозного и цивилизованного.

«Культурные типы являются идеальными, а реальные культуры лишь приблизительно им соответствуют», – отмечал американский ученый. – «Реальные культуры <...> охватывают одновременно более одного типа культуры, ломают границы идеальных типов и, как правило, представляют собой некий переходный тип» [1. С. 126]. Указанное обстоятельство представляется очень важным. Старт, данный молодой цивилизации на переломе эпох, развитие ее культурных институтов, сначала в рамках разлагающегося религиозного типа культуры, а потом в контексте цивилизованного типа (в пределах XVII–XIX вв.), самым решительным образом предопределили облик молодой нации, сформировали систему приоритетов и ценностей, повлияли на характер американцев и, в значительной степени, сориентировали вектор ее исторической судьбы.

Поскольку американская цивилизация берет начало на стыке религиозного и цивилизованного типов культуры, можно предположить, что ей должны быть присущи характерные им черты.

Дж. Фейблман, говоря о религиозном типе культуры, заявляет, что «основной вопрос религиозной культуры, обращенной к ее носителям, звучит так: “Настолько ты набожен?”. А идеальной является наиболее богопослушная личность. В этом типе культуры присутствуют как строгая регламентация жизни, так и

сильная организация. Общей целью выступает отказ от какой-либо значимости земной жизни. <...> Основным социальным институтом религиозного типа культуры выступает церковь. Образование почти целиком сводится к религиозным целям. <...> Истинная наука находится в зачаточном состоянии, лженауки – алхимия, астрология, магия – процветают» [1. С. 139]. Данная обобщенная характеристика отчетливо перекликается с теми конкретными процессами, которые мы наблюдаем в Америке на протяжении всего XVII – первой половине XVIII в.

Общеизвестно, что большинство североамериканских колоний были основаны протестантами (пуританами, квакерами, конгрегационалистами и т.д.). Религиозное мироощущение пронизывало все сферы жизни первых поколений колонистов. В их каждодневном бытии постоянно осуществлялось, как метко заметил Д. Бурстин, «органическое слияние строгого религиозного духа с неисчерпаемым разнообразием жизненного опыта» [2. С. 25]. Да и сам исход из Европы, акт «паломничества» за океан, воспринимался «отцами-паломниками» как обретение Земли Обетованной – того места, где будет «возведен Град на Холме» в самом что ни на есть библейском, ветхозаветном смысле. Когда первые пуритане прибыли в Новую Англию, они видели себя, прежде всего, паломниками, своеобразными пилигримами, и путь их был предначертан свыше. «Хотя земля, на которую они ступили, – пишет тот же ученый в другой работе, – была им неведома, миссия, что им предстояло выполнить, была вполне ясна. Новая Англия должна была стать новым Сионом. Их “град на Холме” мыслился возведенным заново Иерусалимом. И то, что Америка была пустыня, наполняло их паломничество особым глубоким смыслом. Они надеялись, что на этих пустынных пространствах не смогут возникнуть вредные сомнения, здесь нет места блудливой мысли и ереси. Здесь отцы-пилигримы смогут сохранить свой народ в чистоте» [3. С. 21]. При этом, отмечает ученый, «отцы-пилигримы не рассматривали Новую Англию в качестве возможности для создания общества нового типа. Они надеялись повторить более точно и полно, чем кто бы то ни было до них, ритуальное воссоздание Сиона» [3. С. 21–22].

Поэтому нет ничего удивительного в том, что церковная община (особенно в северо-восточных колониях) была базовой социально-экономической единицей и жизнь первых поселений, реально направлялась и управлялась с церковной кафедры. Пуританские пасторы обладали не только неформальной, но часто и вполне ощутимой светской властью. Властные полномочия

в колониях отправляли люди не только религиозные, но нередко обладавшие духовным саном. Пресвитеры задавали тон в магистратах и иных исполнительных органах. Но важнее власти «зримой» была власть духовная. Пуританская этика, воспринятая колонистами мораль и нравственность выстраивали каждодневное течение жизни, определяли ее ритм, стиль, ритуалы и символы.

Важно отметить и то обстоятельство, что хотя в колониях практически с самого начала школьное образование было всеобщим и уже на самом раннем этапе национальной истории чуть ли не все юные американцы посещали школы, светское образование отсутствовало – школы функционировали при церквях. Первые высшие учебные заведения Америки – Гарвард (1636), Йель (1701), Принстон (1746), Ратгерс (1766), Дармут (1769) и др. – также были созданы по инициативе церкви. Как отмечают авторы академической истории США, «...колледжи становились институтом насаждения идей христианства в той религиозной оболочке, которой придерживалась церковная олигархия данной общины, трансплантируя свои взгляды на американскую почву, обращая в христианскую веру индейцев Запада и воспроизводя кадры священнослужителей» [4. С. 517].

Ничего удивительного в том, что и в наши дни церковь так много значит в повседневной жизни американцев. Авторы энциклопедического словаря «Америка. Энциклопедия повседневной жизни» отмечают в Соединенных Штатах самый высокий в западном мире процент верующих (93%) [5. С. 27]. Российский ученый К.С. Гаджиев приводит еще более внушительные цифры. «Как показывают опросы общественного мнения, – пишет исследователь, – в настоящее время 95% американцев верят в бога и 69% – в загробную жизнь. Для сравнения укажем, что во Франции эти цифры составляют соответственно 72 и 39%, а в Японии 38 и 18%» [6. С. 38]. Источник этого нетипичного для эпохи глобализации явления следует искать и в том обстоятельстве, что современная цивилизация США формировалась на той культурно-исторической стадии, когда еще преобладал религиозный тип сознания.

С религиозным типом сознания в его англо-американском варианте было, безусловно, связано и формирование американской цивилизации как цивилизации торговой, предпринимательской. В.Л. Паррингтон утверждал, что «развитие торгашеского духа было обусловлено скудостью почв в Массачусетсе: те, кто мечтал о наживе, избирал себе более верный путь к богатству, чем возделывание бесплодной нивы» [7. С. 41]. С этим замечанием можно согласиться – почвы Новой Англии, действительно, довольно скудны. Нельзя, однако, свести развитие одной из наиболее ярких национальных черт американцев – предприимчивости («торгашеского духа»), лишь к тому обстоятельству, что земледелие не сулило больших доходов. Необходимо помнить, что Мартин Лютер, вывесив в октябре 1517 г. на дверях виттенбергской церкви свои знаменитые 95 тезисов, не просто обозначил начало протестантского движения, но, по сути, провозгласил начало новой эпохи – капитализма. Пуританизм (как и движение Реформации в целом) был не только религиозным течением, но и своего рода идеологией нового класса –

английских купцов и ремесленников, т.е. первых капиталистов. Не случайно именно это религиозное учение стало своеобразным знаменем английской буржуазной революции XVII в. В.Л. Паррингтон справедливо указывал, что пуританизм был не только религией, но и идеологией джентри. «Пуританское учение о необходимости со всем тщанием выполнять свое призвание породило новую этику трудовой деятельности и, заменив средневековый принцип производства ради потребления капиталистическим принципом производства ради прибыли, санкционировало буржуазную эксплуатацию. Учение пуритан о достоинстве человеческой личности помогало купцам держаться гордо и независимо...» [7. С. 45]. И, добавим, энергично заниматься бизнесом.

М. Вебер, как известно, увидел в протестантизме кальвинистского толка (особенно в англо-американском пуританизме) едва ли не главный фактор генезиса западного капитализма. Хотя тезис этот оставляет достаточное пространство для дискуссий, тем не менее, несомненно, правы те, кто утверждает, что сформулированное на рубеже XVI–XVII вв. учение о так называемом «светском призвании» верующего стало своеобразным религиозным стимулом развития буржуазной этики в эпоху первоначального накопления капитала. Как известно, для пуритан «спасение» верующего совершается при его прямом участии. Как учит пуританская доктрина, «избранный» ощущает божественное милосердие уже в земной жизни – если ты преуспел в этой жизни, значит тебе гарантировано спасение и в загробной, вечной.

«Капиталистический успех брата по секте, – писал Вебер в работе “Протестантские секты и дух капитализма”, – в том случае, если он был достигнут праведным путем, свидетельствовал об избранности человека и о нисхождении на него благодати; поднимал престиж секты, способствовал распространению учения и поэтому вызывал всеобщее удовлетворение» [8. С. 291]. Следовательно, «чем энергичнее верующий следует своему “земному призванию” – удачно ведет хозяйство, торговлю и т.п., т.е. чем богаче он становится, – тем очевиднее свидетельство его “избранности”. «Отсюда такие качества пуританина, – отмечают авторы академической “Истории Европы”, – как скопидомство, презрительное отношение к бедным, упорство и целеустремленность в достижении поставленной цели, мужество и неустрашимость» [9. С. 20].

М. Вебер шел дальше и утверждал, что проповедь «торгашеского духа» имплицитно присутствует и имманентно присуща пуританской религиозной доктрине. Пуританами «проповедуются не просто правила житейского поведения, а излагается своеобразная “этика”, отступление от которой рассматривается не только как глупость, но и как своего рода нарушение долга. Речь идет не только о “практической мудрости”, но выражении некоего *этоса*» [8. С. 73–74]. «Повсюду, где утверждалось пуританское мироощущение, – замечал ученый, – оно при всех обстоятельствах способствовало установлению буржуазного, *рационального*, с экономической точки зрения, образа жизни, что, конечно, имеет неизмеримо большее значение, чем простое стимулирование капиталовложений. Именно пуританское

отношение к жизни было главной опорой этой тенденции, а пуритане – ее единственно последовательными сторонниками. Пуританизм стоял у колыбели современного “экономического человека” (курсив Вебера. – А.Т.)» [4. С. 200].

С дистанции времени видно, что многое Вебер преувеличивал и упрощал, но общее направление воздействия протестантизма им было указано верно. Протестантизм (кальвинизм, пуританизм) способствовал росту буржуазно-капиталистических отношений, которые, в свою очередь, закрепляли ценность успеха, преуспеяния в самых что ни на есть земных делах.

«Пуританские корни» в генезисе капитализма находил не только Вебер. Задолго до него на связь между протестантизмом англиканского типа и развитием капитализма в Западной Европе («германском мире») в работе «Философия истории» указывал Гегель [10. С. 393–395]. Сходные рассуждения обнаружим и у А. де Токвиля [11], и у М. Лернера [12], у некоторых отечественных исследователей советской поры. Весьма аргументированно рассуждает об этом С. Хантингтон в монографии «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» [13]. В наиболее развернутом виде (в том числе применительно и к Америке) идея прямой зависимости, существующей между генезисом западного капитализма и протестантизма, рассматривается английским историком, религиоведом, социологом и политэкономом Р. Тоуни в труде «Религия и развитие капитализма» [14].

Еще в начале XX в. французский психолог, один из основателей современной социальной психологии Г. Лебон выдвинул концепцию, согласно которой народы управляются не только и не столько существующими у них институтами власти, но «своим особым характером» [15]. Можно не принимать данную точку зрения, но нельзя не согласиться с тем, что у каждого народа «свой нрав», свои ценности и приоритеты, и они отражают исторический опыт этноса, оказывают самое прямое и непосредственное влияние на его культуру. А. де Токвиль видел это своеобразие в стихийной склонности к демократии; Вебер, как мы говорили, указывал на религиозность и «торгашеский дух»; американский историк Ф. Тернер обнаруживал его в особой мобильности американцев [16]; М. Лернер – в неколебимом оптимизме и свободолюбии и т.д. Каждый из них был по-своему прав. Действительно, черты американского национального характера формировались на протяжении всего развития американской цивилизации. Очевидно, что именно пуританизм как господствующая в Америке религиозная доктрина санкционировал «священность» частной собственности и способствовал развитию у американцев индивидуализма и прагматизма, а также предпринимательского («торгашеского») духа – важнейших черт национального менталитета.

Конечно, не следует абсолютизировать значение религии в развитии американской цивилизации. Не стоит забывать, что механизм культурогенеза «включился» на «переломе» – на том этапе, когда один культурный тип сменял другой – «религиозный» постепенно вытеснялся «цивилизованным». Дальнейшая история нации – во всяком случае, на «пространстве» второй половины XVIII и всего XIX в. – связана с иным,

уже с «цивилизованным» типом культуры. В Америке последний «вызрел» в течение каких-нибудь 100–150 лет в недрах пуританского (т.е. религиозного) общества. В «питательной среде» североамериканского пуританизма молодая нация формировалась и развивалась, а затем явила себя миру во всей полноте и энергии уже на следующей фазе развития, которую Фейблман обозначил как цивилизованный тип культуры («the civilized type of culture»). При этом черты, приобретенные американским народом (на уровне отдельных индивидов и на уровне общих ценностей) на предшествующем этапе, не только не обнаружили тенденции к нивелировке, но на следующем культурно-историческом этапе, напротив, актуализировались. Отсутствие промышленности и эффективного сельского хозяйства (в Новой Англии и других северо-восточных землях США) заставило американцев энергично развивать торговый флот и очень скоро, уже в конце XVIII в., начав практически с нуля (напомним, что в колониальную пору метрополия ограничивала строительство судов в колониях), они стали подлинной нацией моряков. Американцы делали лучшие суда в мире, торговали, ловили рыбу, развивали китобойный промысел и плавали по всем океанам, покидая родной дом на месяцы, а то и на годы [17. С. 12–18]. В самом начале XIX в. они научились сами, а затем и научили весь мир заготавливать, хранить и транспортировать на дальние расстояния природный лед, и, таким образом, произвели настоящую революцию в области производства пищи, придав ей промышленный характер [17. С. 18–31]. А вскоре начали говорить об «американском способе производства» и активно перенимать его. Вот что пишет Бурстин: «Эта система строилась на универсальности, возведенной в принцип производства. Преобразуя производство путем слияния одних операций и разделения других, новые фабричные методы отличались революционной простотой, недоступной ослепленному катарактой привычек Старому Свету. Новое состояло в объединении различных процессов для производства конечного продукта под единым руководством и под одной крышей <...> и разделения (процесса изготовления) на простые операции. <...> Американская фабричная система стала триумфом организации и сотрудничества, но и триумфом неискренности, ибо суть ее составлял отказ от привычек и стереотипов мышления. Невежество и “отсталость” уберегли американцев от старой, наезженной колеи. Важнейшие нововведения осуществлялись именно в силу того, что иных способов решения своих проблем американцы не знали» [17. С. 31–32]. Внедряя эту систему, американские бизнесмены использовали ее не только, чтобы собирать ружья, строить корабли или сельскохозяйственные механизмы, но совершенно в необычных областях, например, чтобы создавать жилые дома, собирать их из унифицированных деталей на конвейере [17. С. 45–47, 192–197].

«Цивилизованный» этап не только развил у американцев предприимчивость, но и привил им неустанный интерес и неизменную приверженность различным техническим устройствам, облегчающим жизнь. Способность американцев создавать новые технологии на пустом, казалось бы, месте для некоторых мыслителей

стала основанием заявить о новом типе человеческой личности, якобы сложившейся в Америке, – о некоем американском *homo faber* – «человеке-созидателе». *Homo faber* (человек-созидатель) – американец и *homo sapiens* (человек-мыслитель) – европеец, – так известный французский социолог А. Зигфрид лаконично определил различие между американской и европейской цивилизациями [18. С. 412]. Думается, данное суждение содержит явное преувеличение. На самом деле, в способности создавать новые технологии и бизнес-структуры нужно, прежде всего, видеть реализацию все того же свойственного американцам духа предпринимательства.

Дж. Фейблман, описывая цивилизованный тип (этап) культуры, пишет: «Основной вопрос цивилизованной культуры, адресованный отдельным ее представителям, – насколько индивидуальны ваши чувства? От индивида требуется быть уникальным в своих реакциях; адекватной этому типу культуры является лич-

ность, способная вырабатывать собственные критерии ощущений, чувств, мыслей и действий. Для этого типа культуры характерно разнообразие. Высоко ценится рациональность, понимаемая как собственный образ мысли» [1. С. 142]. Данное утверждение во многом объясняет значимость для американцев таких черт характера и «сугубо американских» ценностей, как индивидуализм, прагматизм, трудолюбие и деловитость.

Почему именно *эти* особенности характера, именно *эти* «национальные» ценности, сформировавшиеся на начальном этапе национальной истории, закрепились, а другие, возможно, более нужные на каком-то ином этапе эволюции, возникавшие позднее, – нет? Ответ на этот вопрос очевиден. Колонисты, разрозненные иммигранты из Европы, ставшие жителями Северной Америки, были лишены общих традиций и создавали их заново в ходе формирования и развития юной нации, которая обретала сущностные черты в процессе неизбежной этнокультурной самоидентификации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Feibleman J.K. The Theory of Human Culture. N.Y.: Humanitarian Press, 1968. 361 p.
2. Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М.: Прогресс-Литер, 1993. 480 с.
3. Boorstin D.J. The Exploring Spirit. America and the World then and Now. N.Y.: Random House, 1978. 102 p.
4. История США: В 4 т. / Под ред. Н.Н. Болховитинова и др. М.: Наука, 1983. Т. 1: 1607–1877. 687 с.
5. Америка: Энциклопедия повседневной жизни. М.: Транскнига, 1998. 416 с.
6. Гаджиев К.С. Американская нация: национальное самосознание и культура. М.: Наука, 1990. 240 с.
7. Паррингтон В.Л. Основные течения американской мысли: В 3 т. Т. 1: Система взглядов колониального периода. М.: Изд-во иностр. лит., 1962. 525 с.
8. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 804 с.
9. История Европы: В 8 т. / Под ред. З.В. Удальцова и др. Т. IV: Европа нового времени (XVII–XVIII века). М.: Наука, 1994. 509 с.
10. Гегель Г.Ф.В. Философия истории. Сочинения. М.; Л.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1935. Т. VIII. 470 с.
11. Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Весь Мир, 2000. 560 с.
12. Лернер М. Развитие цивилизации в Америке: Образ жизни и мыслей в США сегодня: В 2 т. М.: Радуга, 1992. Т. 1. 671 с.
13. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. 635 с.
14. Tawney R. Religion and the Rise of Capitalism. L.: Murrey, 1929. 339 p.
15. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 311 с.
16. Turner F. The Significance of the Section in American History. N.Y.: H. Holt, 1932. 347 p.
17. Бурстин Д. Американцы: национальный опыт. М.: Прогресс-Литера, 1993. 624 с.
18. Коленеко В.А. От Шатобриана до Маритена: традиции и инновации восприятия Америки во Франции. Американская цивилизация как исторический феномен // Восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли / Под ред. Н.Н. Болховитинова. М.: Наука, 2001. С. 376–429.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 17 октября 2008 г.